

И.А. Матвеевко, А.А. Сыскина
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет,

**Переводческие подходы к передаче готических элементов
в романах Ш. Бронте «Джейн Эйр» и У. Коллинза
«Женщина в белом» (1850-60-е гг)**

В статье представлен анализ фрагментов из романов Ш. Бронте «Джейн Эйр» и У. Коллинза «Женщина в белом», наиболее репрезентативные с точки зрения реализации в них готической поэтики и ее передачи на русский язык. Переводоведческий анализ позволяет сделать вывод о меняющейся парадигме готической традиции в русской литературе.

Ключевые слова: «Джейн Эйр»; «Женщина в белом»; перевод; готическая традиция; готический роман.

Рецепция английского готического романа в России имеет богатую и разнообразную историю, тем не менее, этот процесс остается малоизученным современными литературоведами. Исключение составляет монография В. Э. Вацура «Готический роман в России» [4], однако в ней исследование ограничивается достаточно узкими временными рамками, а именно, 1770–1830-ми годами, описывающими пик популярности данного жанра в русском литературном процессе. Учитывая установившееся затем господство «натуральной школы» и поиски реалистичных картин русской словесностью, некоторые исследователи приходят к выводу о том, что «потом, однако, интерес к жанру «романов ужасов» заметно ослабевает, и возникает вновь лишь на рубеже XIX–XX веков» [7, с. 71].

В нашей статье мы попытаемся проанализировать переводческие подходы к передаче готических элементов в романах, опубликованных в России на протяжении 1850–60-х гг., чтобы выявить изменения в отношении к готической традиции в период, когда популярность к ней, по утверждению исследователей, значительно снизилась.

Рецепция романов Ш. Бронте и У. Коллинза в России в середине XIX в. уже становилась предметом исследовательского интереса в контексте рассмотрения женского вопроса, поставленного и решаемого обоими английскими авторами в разных контекстах [10], но это была не единственная проблема, которая привлекла внимание русских критиков и читателей. Внимание отечественной публики было приковано и к элементам готической поэтики, которые присутствовали и в «Джейн Эйр», и в «Женщине в белом». Оба писателя интегрировали готические черты в новый контекст, дав им новую жизнь и с их помощью решая иные задачи. Как отмечает З. В. Антонова, «это роман <Женщина в белом – И. М., А. С.>»,

в котором сочетаются лирические, готические, социальные и детективные мотивы, придавая неповторимое очарование» [1, с. 27]. Тем не менее, до Коллинза Ш. Бронте адаптировала ключевые составляющие готического повествования в романе «Джейн Эйр», в виде образа безумной женщины, скрытой на чердаке Торнфилда, злодея, сверхъестественных сил, мрачных пейзажей, родовых замков и т.д.

Роман «Джейн Эйр» был переведен И. И. Введенским в 1849 г. Он значительно изменил текст Шарлотты Бронте, готические же элементы были в целом переданы им верно. Следующий перевод «Дженни Эйр, или записки гувернантки» вышел из-под пера С. И. Кошлаковой. Она сделала перевод не с английского языка, а через язык-посредник, воспользовавшись адаптированным переложением на французский «*Jane Eyre. Mémoires d'une gouvernante. Imité de Currer Bell, par O. N.*». Переводчиком на французский выступал П.-Э. Д. Форг, французский критик и переводчик, работающий под псевдонимом О.Н. Форга чаще всего привлекали тексты с элементами таинственности, мистико-фантастическим колоритом, которые он значительно усиливал, поэтому для перевода он выбирал тексты преимущественно романтические. Именно по этой причине он остановил свой выбор на романе Ш. Бронте, где подобных эпизодов было довольно много.

Форг иначе расставляет акценты во многих сценах, привлекая внимание читателя к странности, иррациональности, сверхъестественности событий. В свойственной ему манере передан эпизод с пожаром в комнате Рочестера (см. табл. 1):

Таблица 1

Сцена пожара в комнате Рочестера

<p>«<i>Just then it seemed my chamber-door was touched; as if fingers had swept the panels in groping a way along the dark gallery outside</i>» [3, с. 129].</p>	<p>«<i>Un moment après, la même bruit, bruit tout à fait hors nature, se fit entendre derechef, mais cette fois très distinctement derrière la porte</i>» [9, т. 1, с. 129].</p>	<p>«Минуту спустя, тот же шум, сверхъестественный, нечеловеческий, явно послышался у меня за дверью» [2, ч. 1, с. 144].</p>
<p>Только затем мне показалось, что к двери в мою комнату прикоснулись; как будто пальцы скользнули по ней когда кто-то пробирается ощупью по тёмному коридору.</p>	<p>Спустя мгновение тот же шум, абсолютно сверхъестественный шум, опять послышался, но на этот раз очень отчётливо за дверью.</p>	

В адаптации в данном эпизоде царит атмосфера страха, образ героини стал более резким, чувства более обнаженными. В переводе на французский у Форга шум становится «абсолютно сверхъестественным», а у Кошлаковой «сверхъестественным и нечеловеческим».

Таблица 2

Сцена на кладбище

Woman in white	Русский перевод	Дословно
<p><i>«Under the wan wild evening light, that woman and I were met together again, a grave between us, the dead about us, the lonesome hills closing us round on every side. The time, the place, the circumstances under which we now stood face to face in the evening stillness of that dreary valley – the lifelong interests which might be determined, for good or for evil, by my winning or losing the confidence of the forlorn creature who stood trembling by her mother's grave – all threatened to shake the steadiness and the self-control on which every inch of the progress I might yet make now depended»</i> [8, p. 52].</p>	<p>«Я встретился опять с этой женщиной при тускнеющем вечернем свете; между нами была могила, около нас мертвецы; уединенные горы окружали нас со всех сторон. Время, место, обстоятельства, при которых мы теперь стояли лицом к лицу, в вечерней тишине, жизненные интересы, зависевшие от первых слов, которыми мы должны были разменяться, сознание, что вся будущность Лоры Фэрли зависела от того, приобрету или лишусь я доверия одинокого существа, которое трепеща стояло у могилы ея матери – все это готово было поколебать во мне твердость и самообладание, от которых зависел успех моего намерения» [5, Т. 4, с. 93].</p>	<p>Под бледным диким вечерним светом, под которым женщина и я встретились снова, могила между нами, мертвые вокруг нас, унылые холмы, закрывающие нас со всех сторон. Время, место, обстоятельства, при которых мы теперь стояли лицом к лицу в вечернем безмолвии этой мрачной долины – жизненные интересы, которые могут быть определены, к добру или худу, завоеванием или потерей доверия жалкого существа, которое стояло, трепеща у могилы своей матери – все угрожало поколебать твердость и самообладание, от которого теперь зависел каждый дюйм моего прогресса.</p>

Другой роман, включенный нами в анализ – «Женщина в белом» был анонимно переведен вскоре после его публикации в Англии в 1860 г. и издан в «Собрании иностранных романов, повестей и рассказов» и мгновенно снискал популярность у русских читателей. Формированию интереса к произведению способствовало и присутствие в нем готических элементов – inferнальные злодеи и беспомощные героини, родовые тайны и странные события, наличие персонажей-двойников и характерный хронотоп. Приведем лишь один пример, отражающий подход русского переводчика к передаче такого рода элементов (см. табл. 2).

Коллинз начинает описание места с параллельных эллиптических конструкций: «*a grave between us*», «*the dead about us*», «*the lonesome hills closing us round*». Прилагательные «*wan*», «*lonesome*» и «*dreary*» – типично готические эпитеты. Идея фатальности подчеркнута глаголом в пассивной форме «*were met*». Следующее длинное предложение передает мыслительный процесс Уолтера, отражая его напряжение. Переводчик меняет некоторые эпитеты, передавая знаковые определения клишированными словосочетаниями, и пропускает фразы: «*that dreary valley*», «*for good or for evil*», «*every inch of the progress*», добавляя глаголы в эллиптические структуры, вводит свою фразу «*the first words that we would exchange*», а также напоминание о Лауре, отсутствующее в оригинале. Сохранив основную идею фрагмента, переводчик предпочел использовать стандартные выражения «уединенные горы», «вечерняя тишина», «одинокое существо», являющиеся знаковыми для поэтики готического романа.

Таким образом, представленный анализ русских переводов английских романов демонстрирует эволюцию переводческих подходов к передаче готических элементов романного повествования с конца 1840-х к 1860-м. В годы, когда появился первый перевод «Джейн Эйр», основной переводческой стратегией стала интенсификация готических черт романа. Хотя роман поднимал ряд социальных проблем, таких, как женский вопрос, классовое неравенство, эти аспекты творчества Ш. Бронте не получили должного внимания со стороны переводчиков. Однако они смогли донести до русского читателя творческое рассмотрение элементов тайны и ужаса в новом контексте, тем самым упрочив популярность романа.

На этом фоне перевод романа Коллинза «Женщина в белом» выявляет исторически сложившуюся структуру готической поэтики на русской почве в ее фиксированными образами и элементами, с языком, который часто находил эквивалентные соответствия и клише оригинальным сочетаниям. По сути, переводы показывают меняющуюся пара-

дигму готической поэтики – от экспериментальных подходов к стабильным формам и фиксированным кодам, о чем писал Ю. М. Лотман: «Когда насыщение достигает определенного порога, приводятся в движение внутренние механизмы текстопорождения принимающей структуры. Из пассивного состояния она переходит в состояние возбуждения и сама начинает бурно выделять новые тексты, бомбардируя ими другие структуры, в том числе и своего «возбудителя»» [6, с. 208]. Именно такой процесс от пассивного восприятия к активной выработке своих структур демонстрирует анализ переводов. На более позднем этапе русская литература стала порождать свои тексты с элементами готической поэтики и встраивать их в произведения других жанров – криминальный и исторический романы.

Литература

1. Антонова, З. В. Жизнь и творчество Уилки Коллинза / З.В. Антонова. – Череповец : ГОУ ВПО ЧГУ, 2006. – 180 с.
2. Бронте, Ш. Дженни Эйр, или записки гувернантки / Бронте Ш. – В 3 чч. – Пер. С.И. К...вой. – Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1857.
3. Бронте, Ш. Джейн Эйр: роман / Ш. Бронте. – На англ. яз. – Новосибирск : Сибирское университетское издательство, 2010. – 398 с.
4. Вацуро, В. Э. Готический роман в России / В.Э. Вацуро. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 544 с.
5. Коллинз, У. Женщина в белом / У. Коллинз // Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык. – Санкт-Петербург : Типография И. И. Глазунова, 1860. – ТТ. 4–6. – Т. 4. – С. 5–124.
6. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 416 с.
7. Малкина, В. Я. Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра / В. Я. Малкина. – Тверь : Твер. гос. Университет, 2002. – 140 с.
8. Collins, W. The Woman in White / W. Collins. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2011. – 352 с.
9. Eyre, Jane. Mémoires d'une gouvernante. Imité de Currer Bell. – In 2 vols. – Bruxelles : Meline, Cans et compagnie, 1849. – 198 p.
10. Syskina, A. A., Kiselev, V. S., Lonoff, S., Matveenko, I. A., Aizikova, I. A. Female images in Jane Eyre and The Woman in White in Russian translations / A.A. Syskina, et al // Bronte Studies. – 2017. – V. 42. – № 2. – P. 118–129.